

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

СИРИЛ

ХЕЙР

СМЕРТЬ БРОДИТ
ПО ЛЕСУ

Сирил Хейр
Смерть бродит по лесу
Серия «Золотой век
английского детектива»
Серия «Фрэнсис Петтигрю»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68932656

Смерть бродит по лесу:

ISBN 978-5-17-137827-1

Аннотация

Адвокат Фрэнсис Петтигрю вновь расследует убийство. На сей раз причин для него с избытком: немало жителей тихой деревушки точило зуб на несчастную жертву. Да и не так уж проста эта кроткая овечка, после гибели которой открывается столько тайн. Улик и вовсе предостаточно: странное письмо, бриллиантовая сережка, найденное мальчишками орудие убийства. Но кто же совершил это преступление под тисами, если кажется, что у всех подозреваемых есть алиби?

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	17
Глава третья	36
Глава четвертая	50
Глава пятая	59
Глава шестая	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Сирил Хейр

Смерть бродит по лесу

Cyril Hare

THAT YEW TREE'S SHADE

© by Charles Gordon Clark

© Перевод. А. Комаринец, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Глава первая

Фрэнсис Петтигрю виновато вздрогнул, когда в комнату вошла жена. По его собственной настоятельной просьбе Петтигрю не беспокоили все утро, чтобы он мог подготовить свою лекцию для юридического общества Среднего Маркшира о современных тенденциях в теории гражданских правонарушений. Теперь же он тревожно осознал факт, что последние полчаса проглядел в окно.

– Как продвигается? – спросила Элеанор с оттенком участия, в котором острый слух мужа уловил и толику иронии.

– Никак не продвигается, – ответил он. – Ты сама прекрасно знаешь.

– Не понимаю, откуда мне это знать, Фрэнк. Надеюсь, тебе ничто не мешало?

– Мешало? – Петтигрю поднял голову от загроможденного стола и взглянул в окно. – Скажи, чем занимался твой дядя, пока жил тут?

– Дядя Роберт? Насколько мне известно, ничем. Разумеется, он был на пенсии. Всегда собирался написать книгу о своих путешествиях, но почему-то она так и не была закончена.

– Ошибаешься. Она не была начата. И я тебе скажу почему. Твой дядя Роберт тратил время, которое собирался посвятить писательству, именно так, как я провел утро, – лю-

бывался видом.

Элеанор рассмеялась:

– Охотно верю. Но, боюсь, дядя Роберт был слабовольным.

– И я, без сомнения, тоже. Впрочем, какая воля могла бы устоять против такого развлечения. Все разговоры – мол, окрестные красоты способствуют трудам – чушь. Они просто гибель для любой работы. Вот почему все лучшие писатели, когда не сидели в тюрьме, жили на чердаках.

– Ты просто придумываешь оправдания собственной лени, Фрэнк. Ты забыл, что Тисовый холм знаменит своими писателями. Например, тут жил Генри Спайсер.

– Как раз Спайсер мой довод подкрепляет. Он жил вон там, внизу. – Петтигрю указал на долину под окном. – Спайсер гулял по холму, потом спускался в свой коттедж и там сочинял стихи и нескончаемые любовные романы. Из его окон дальше ста ярдов ничего не видно. Живи он тут, пером бумаги не коснулся бы.

– Отличный вид. – Теперь и Элеанор смотрела в окно. – Зацветающие вишни на фоне тисов. Чудесно, не правда ли? – произнесла она после долгого молчания.

– Еще три дерева зацвело. Со вчерашнего дня. Я считаю... Как называется тот странный дом почти на самой вершине?

– «Альпы». Не знаю, кто там сейчас живет. Когда я была ребенком, он принадлежал старой леди Фотерджилл. Она держала догов, которых мы ужасно боялись... Смотри, Фр-

энк, по склону спускаются очень и очень странные люди.

Петтигрю потянулся за биноклем, который лежал наготове на письменном столе.

– Американцы, – объявил он. – Папа, мама и два нелепо одетых мальчика. У папаши в руке, похоже, путеводитель. Каблуки у маман слишком высоки для такой местности. Полагаю, машину они оставили наверху.

– Дай и я посмотрю. – Элеанор забрала у него бинокль.

– Каковы ставки на то, что они совершают литературное паломничество к коттеджу Спайсера? Вот, что я тебе говорил? Они свернули по тропинке вниз налево.

Элеанор перевела бинокль на другую часть холма.

– С той стороны поднимаются еще двое, – сообщила она. – Как будто что-то ищут. У одного какой-то сосудик. Как по-твоему, что они ищут? Для орхидей слишком рано...

Элеанор опустила бинокль, и можно было заметить, что она немного покраснела.

– Я пришла сказать, что ленч готов.

– Вот видишь, – безжалостно отозвался муж. – Теперь он сторел или остыл. Или что там случается, когда повар отрывается полюбоваться окрестностями? Если бы кухня не выходила на задворки, мы вообще остались бы без еды. Элеанор, зря ты уговорила меня здесь поселиться. Это совершенно деморализует нас обоих.

В отличном настроении он последовал за женой из кабинета. Сквозняк, возникший из-за открытой двери, разметал

по полу страницы незаконченной лекции.

Маркширский Тисовый холм был хорошо известен любителям живописных видов задолго до того, как Генри Спайсер, этот боготворимый, но не слишком читаемый мэтр викторианской беллетристики, прочно водрузил его на литературной карте Англии. С тех времен развитие современного транспорта сделало Тисовый холм доступным для мира в целом, и трудно было назвать более известную природную достопримечательность в пятидесяти милях от Лондона. Именно стихи Спайсера первыми связали огромные и древние тисы, окружающие холм, с ритуалами друидов. В наши дни отель «У тиса», удобно расположенный на трассе в Маркгемптон, – одна из лучших недвижимостей своего класса в южных графствах. Каждый погожий выходной травянистые склоны холма заполнены группками счастливых туристов, которые довели бы до умопомешательства угрюмого отшельника Генри Спайсера, а прославленные им тисы простирают свои ветви над парочками, блаженно не отягощенными знакомством с его произведениями и зачастую занятыми ритуалами, более древними, чем друидские.

Тисовый холм находится в приходе Тисбери, но сама деревушка Тисбери уютно расположилась на дне долины почти в миле от него. За исключением одиночек вроде Генри Спайсера или чудаков вроде покойного сэра Уильяма Фотерджилла, в прошлом никто не желал строиться на холме, где

почва едва покрывала голый мел, а подача воды была проблематичной. Национальный трест¹ заботится о том, чтобы никто не делал этого в будущем. Но по другую сторону долины, где склон более пологий, а возвышенность Дидбери-Даунс пониже, не так давно выросли дома Восточного Тисбери, который, словно наследница, извлек выгоду из краха некогда великолепного поместья обанкротившегося графа Маркшира. Агенты по продаже недвижимости обычно рекламируют эти дома как обладающие непревзойденным видом на Тисовый холм. Если полагаться на опыт Петтигрю, то совсем наоборот – это вид ими обладает.

По привычкам и склонностям Фрэнсис Петтигрю был городским жителем. Трудовая жизнь прошла в Темпле, где открывавшаяся из его каморки панорама ограничивалась элегантной кирпичной кладкой семнадцатого века в двадцати шагах от окна. (Когда немецкие бомбы, снеся дальнюю сторону Внутреннего инна, в одночасье расширили открывавшийся ему горизонт до противоположного берега реки, он растерялся так же, как выпущенная в лесу канарейка.) Его знание Англии за пределами Лондона ограничивалось по большей части городами Южного судебного округа, имеющими ассизные суды², и домиком в центре Маркгемптона, который представлялся ему очевидным пристанищем после

---

¹ Организация по охране исторических памятников и достопримечательностей Англии.

² Выездной суд с участием присяжных.

выхода на пенсию.

Петтигрю не брал в расчет свою жену, молодую женщину, которую он так неожиданно – и счастливо – приобрел в награду за правительственную службу во время Второй мировой. В частности, он не учел тетушку жены, вдову, с которой никогда не встречался и про кого редко слышал. Когда эта дама умерла, долгие годы пробалансировав на грани маразма, выяснилось, что племяннице вместе с прочей собственностью она оставила крошечный домик, где он теперь и проживал. По получении наследства Петтигрю решил, что они от него избавятся, и приехал с Элеанор просто осмотреть его. Он бросил один взгляд за окно кабинета, спросил себя, что делал все эти годы, и признал свое поражение. Окончательно планы расстроил цейссовский бинокль дяди Роберта, находившийся все еще в отличном состоянии.

– Если не случится чего-то очень и очень кардинального, – заметил он за ленчем жене, – я окончательно впаду в апатию.

– Звонила леди Ферлонг, спрашивала, может ли прийти к чаю, – сообщила Элеанор. – Возможно, она окажется достаточно кардинальной.

Леди Ферлонг была старейшиной Восточного Тисбери. Духовно она принадлежала к приходской общине основного Тисбери и своей миссией считала привлечение любого новоприбывшего к жизни прихода. Отдаленная родственница лорда Маркшира, леди Ферлонг бестактно напускала на себя собственнический вид во всем, что касалось окрестностей.

До конца чаепития было еще далеко, а Петтигрю уже понял, как трудно ему не поддаться иллюзии, что он всего-навсего скромный арендатор, к которому явился с инспекцией хозяин, а не землевладелец или, во всяком случае, супруг землевладелицы, принимающий у себя равного, чьи поместья едва ли больше его собственных.

Однако леди Ферлонг, пусть и склонная к диктаторству, была достаточно любезной, и того факта, что Элеанор ее маленькое владение досталось не через покупку, а по наследству, оказалось достаточно, чтобы она выросла в ее глазах. Когда же в дальнейшем выяснилось, что часть своего детства она провела в этом самом доме у тети и дяди и недолгое время ходила в ту же подготовительную школу, что и старший сын леди Ферлонг, атмосфера стала и вовсе сердечной. Леди Ферлонг сразу же определила для Элеанор «место» и с этого момента почувствовала себя совершенно свободно. Дело в том, что значительную часть своей жизни она тратила на старания (все более и более затруднительные в нашем обществе) находить для людей должное «место» и явно была вне себя от радости, что на сей раз все получилось так легко, а результат вышел столь удовлетворительный. Приняв третью чашку чая, леди Ферлонг перешла к делу. Элеанор уже познакомилась с пастором? Нет? Он зайдет. Пастор слегка озабочен, достаточно ли будет помощниц на летнем благотворительном базаре. Не захочет ли Элеанор взять на себя какую-нибудь палатку? Ну, возможно, браться за это

еще слишком рано, но подумать надо. Вечером леди Ферлонг встречается с миссис Пинк³, и они посмотрят список помощниц и решат, где от нее будет больше пользы. Затем, разумеется, Женский институт⁴.

Элеанор проявила неожиданное желание посещать Женский институт, если, конечно, его собрания не будут совпадать с репетициями Маркгемптонского оркестрового общества, которому она оставалась верна. К счастью, они не совпадали, и леди Ферлонг просияла, получив нового рекрута. Миссис Пинк пришлет ей расписание. Затем она перешла к защите притязаний Ассоциации нравственного благополучия и недавно основанного Комитета друзей Тисового холма, предназначенного оберегать сию достопримечательность от вандализма летних отдыхающих.

У Петтигрю голова пошла кругом. Он воображал Тисбери тихой гаванью, однако теперь тот представлялся водоворотом активности, в сравнении с которым улей показался бы вымершим. Очень скоро он узнал, что в отличие от улья Тисбери обязывает к работе оба пола. Британский легион имел тут свое отделение. Леди Ферлонг упомянет про Петтигрю полковнику Сэмпсону, который живет чуть дальше по той же улице. Петтигрю как раз из тех, кому будут рады в Комитете. Полковник – местный секретарь, весьма ценный человек.

---

³ От *англ.* pink – розовый.

⁴ Организация, объединяющая женщин, живущих в сельской местности; в ее рамках действуют различные кружки и т. п.

И такой добросовестный. Он даже брал уроки машинописи, чтобы управляться с работой. К счастью, теперь необходимость отпала, ведь бумажную сторону взяла на себя миссис Пинк.

– Кто она, эта миссис Пинк? – рискнул поинтересоваться Петтигрю. Он успел заметить, что она была секретарем отделения Ассоциации нравственного благополучия, а кроме того, казначеем Комитета друзей Тисового холма. – Она весьма важная особа? Жена пастора?

– Господи, помилуй, нет! – Леди Ферлонг позволила себе посмеяться над его неведением. – Священник холостяк, слава богу. А что до важной... Я бы миссис Пинк так не назвала. Но она очень добрая, достойная и полезная дама. (Если такая череда прилагательных не определила место миссис Пинк, то никакие другие слова не помогут.) Даже не знаю, как бы я без нее обходилась. Она в деревне всего три или четыре года, но уже стала совершенно незаменимой. Миссис Пинк вдова и целиком отдает себя добрым делам.

Покончив с характеристикой миссис Пинк, леди Ферлонг собралась уходить. Петтигрю проводил ее.

– У вас отсюда прекрасный вид, – с ноткой снисходительности заметила она на крыльце. – Конечно, не такой, как у меня. Из моих окон видно гораздо больше Друидовой поляны и меньше голого склона. Думаю, так много лучше. Можно почти забыть про отдыхающих.

– Да, кстати, – сказал Петтигрю, – кто живет в доме на

вершине? Кажется, он называется «Альпы».

– Миссис Рэнсом, – ответила леди Ферлонг. – Уверена, вашей жене не захочется с ней встречаться. До свидания, мистер Петтигрю. Очень рада была познакомиться.

Она забралась в свой древний двухместный автомобиль, не оставив Петтигрю сомнений в том, что миссис Рэнсом не могла занять какое-либо «место», поскольку занимала самую нижнюю ступень.

– Ах да! – крикнула из машины леди Ферлонг. – Забыла сказать вашей жене: если вам понадобится курица, обращайтесь к мистеру Уэндону – участочек у подножия холма.

– По-моему, я его видел, – сказал Петтигрю. – Худосочный малый со светлыми волосами?

– Он самый. Упомяните мое имя, и он выберет вам хорошую. Мне нравится по возможности помогать ему. Странно, не правда ли, – она понизила голос, чтобы озвучить при-
скорбный факт, – что он воспитывался с моим племянником в Хэрроу⁵.

Печально качая головой от того, что некоторые люди не умеют удержать свое место, она уехала.

Петтигрю все еще восхищался игрой вечернего света на склоне, когда зазвонил телефон. Он уже повернулся, чтобы войти в дом, но столкнулся с выходящей к нему Элеанор.

– Кто-то тебя спрашивает, – сообщила она. – Сказали, что из приемной лорд-канцлера.

---

⁵ Элитная английская школа, основанная в 1572 году.

Если высокий титул на Элеанор произвел хоть какое-то впечатление, то муж лишь безразлично пожал плечами.

– Когда-то от подобного сообщения я был бы на седьмом небе, – усмехнулся он. – Но в моем возрасте ожидать от них чего-то слишком поздно. Тем не менее...

Он вошел в дом и взял трубку.

– Петтигрю... Ах вот как? Очень жаль. Надеюсь, не сильно?.. Понимаю. Да, я вполне справлюсь. Где, вы сказали?.. Дидфорд? Вполне доступен. Я там буду... Да, квитанции о расходах пришлю вам... Очень хорошо. До свидания.

Трубку он повесил со странным выражением лица – отчасти горьким, отчасти удивленным. Потом сел и расхохотался.

– В чем дело? – спросила Элеанор.

– Джефферсон заболел. Его только что увезли в больницу с язвой двенадцатиперстной кишки.

– Звучит не слишком смешно. Кто этот бедный мистер Джефферсон?

– Он не мистер. Он судья суда графства. Они хотят, чтобы я его подменил. Семь гиней в день плюс расходы. Открытие сессии в Дидфорде завтра. Как ты и сказала, ничуть не смешно. Но все-таки...

Петтигрю высморкался, протер очки и снова посерьезнел.

– Двенадцать... нет, тринадцать лет назад я подавал на эту должность, – продолжил он. – Меня отклонили – думаю, потому что, мол, староват, к тому же считали хитрецом. Если

бы вместо Джефферсона взяли меня, я уже почти заработал бы пенсию. А теперь он заболел, и хотят, чтобы я заменил его. Ну не странная ли штука жизнь?

Петтигрю взглянул через окно на длинный гребень Тисового холма, четкий и ясный на фоне темнеющего неба.

– Мне его будет не хватать, – вздохнул он. – А впрочем, суд – это тоже способ познакомиться с соседями.

Глава вторая

Менделизм в суде графства

Дидфорд – его полное название Дидфорд-Парва (Дидфорд-Магна – крошечная и всеми забытая деревушка выше по долине) – маленький ярмарочный городок, деловой и торговый центр округа, в котором находится Тисбери. А еще это центр окружного судопроизводства. Местные судьи на еженедельных сессиях разбирают тяжкие и мелкие уголовные нарушения жителей округа. Их гражданских диспутов едва хватает для оправдания визита судьи из суда графства раз в месяц. Фрэнсис Петтигрю, недавно назначенный заместитель этого судьи, занимая свое кресло в захудалом зальчике, подумал, что ему даровано малой кровью быть посвященным в таинства судопроизводства. Список дел на слушание был коротким, и, помимо полудюжины стряпчих, сидевших за отведенным им столом, собралось не более двадцати человек.

– Слушается дело, – рявкнул секретарь суда откуда-то из-под судейского возвышения, – «Спокс против Грэнтли». – Он повернулся и сунул на стол судье голубую бумагу.

На место свидетеля прошел вразвалочку кряжистый пожилой человек, похожий на бродягу, и не успел Петтигрю опомниться, как слушания начались.

Встал стряпчий с лицом как у крысы:

– От имени кредитора, ваша честь. Мистер Грэнтли, вы должны пятьсот девятнадцать фунтов. Вы в состоянии заплатить?

– Фунт в месяц, – спокойно ответил мистер Грэнтли.

– Сколько? – ахнул Петтигрю.

Очевидно, сочтя, что заместитель глуховат, представитель кредитора прогремел:

– Он предлагает фунт в месяц. Ваша честь поднимет до тридцати шиллингов?

– Да, если хотите, – слабо выдавил Петтигрю.

Обе стороны как будто были полностью удовлетворены. Кряжистый отрывисто кивнул и вразвалочку покинул суд. Петтигрю во все глаза смотрел ему вслед, недоумевая, какой тайной магией он выманил кредит пятьсот девятнадцать фунтов. Мистеру Грэнтли было уже за шестьдесят. Если платить по такой мелкой ставке, сколько ему стукнет к тому времени, когда его долг наконец будет уплачен? Он старался подсчитать это в уме, когда вдруг сообразил, что голубой листок исчез и его место занял другой.

– «Инглсон против Уотса», – возвестил секретарь.

Красномордый вскочил снова:

– Должник не явился. Перенос на следующее заседание с обычным уведомлением?

– Как вам угодно, – ответил Петтигрю. Право же, синекура да и только. Он взял себе на заметку спросить у секретаря,

что такое «обычное уведомление».

Еще три или четыре должника стремительно сменили друг друга на месте свидетеля. Все они задолжали суммы, головокружительно несоизмеримые с их доходами, у каждого имелось не менее четырех малолетних детей, которых надо кормить, и их долги касались в основном удовлетворения таких жизненных потребностей, как телевизор или обеденный гарнитур. Их кредиторы – или, как правило, представители кредиторов – охотно соглашались на предложения, обещавшие им возмещение в среднем за двадцать пять лет, в том случае, конечно, если выплаты будут производиться.

«Почему я всю жизнь тратил время и силы на оплату счетов? – подумал Петтигрю. – Просто уму непостижимо». Он приказал отправить еще одно обычное уведомление, а затем выпрямился, услышав знакомую фамилию.

– «Мил и Молт лимитед» против Уэндона».

Синий листок запротоколировал решение о взыскании двадцати пяти фунтов двенадцати шиллингов восьми пенсов.

– Мистер Уэндон, как вы предполагаете выплатить свой долг?

Мистер Уэндон не предложил какой-либо суммы в месяц. Он просто обратил пару честных голубых глаз на судью и произнес:

– Факт в том, ваша честь, что корм был отвратный. Определенно плесневелый.

– Суть не в этом, – вмешался стряпчий – на сей раз не крысомордый, а багровощекий с усами, – который, как видно, делил с первым бóльшую часть этой неблагодарной практики. – Совершенно не в этом. И против вас выдвинуто...

– Я едва из-за него трех молоденьких свинок не лишился, – продолжил мистер Уэндон. – Пришлось звать ветеринара. Я еще должен ему пятерку за труды.

Слушая, как он говорит, нетрудно было поверить, что Горацио Уэндон воспитывался с племянником леди Ферлонг в Харроу. Внешне, однако, он делал мало чести этой или другой привилегированной частной школе. Одет был, возможно, чуть лучше мистера Грэнтли, но только самую чуточку, и был значительно грязнее. От места дачи показаний попахивало свиным навозом. Его лицо было не лишено достоинства, однако имело безошибочное выражение человека, глубоко обиженного и смирившегося с тем, что его обида никогда не получит возмещения.

– Давайте-ка проясним, – произнес Петтигрю. – Насколько я понимаю, это счет за корм, поставленный вам...

– Если вы называете это кормом, то да.

– За который вы не заплатили.

– Конечно, нет. Вы заплатили бы?

– Давайте пока меня не касаться. Долг подали к взысканию?

– Вот именно.

– Вы сказали судье, что корм был некачественный?

– Сказал судье? Нет, меня там не было. У меня в тот день, кажется, свинья должна была пороситься. В общем, я не пошел.

– И вам не пришло в голову проконсультироваться у юриста?

– Юриста? – Лицо мистера Уэндона являло собой верх презрения. – Нет уж, спасибо. С меня юристов хватит.

– Тогда, боюсь, вам придется заплатить.

– Если вы так говорите... – устало отозвался мистер Уэндон. Прения он прекратил явно с облегчением, словно не имея сил протестовать против судебных преследований, и лишь добавил: – Видели бы вы этот корм!

– А теперь, мистер Уэндон, – сказал багровощекий стряпчий, который метафорически закусил не удила, а буквально собственный ус во время этого пустого диалога, – как вы собираетесь выплатить свой долг?

– В том-то и суть. Я тоже про это. Как?

– Вы ведь фермер?

– Лично я предпочитаю называться мелким землевладельцем.

– Женаты?

– Нет.

– Какая у вас арендная плата?

– Никакой не плачу.

– Ферма принадлежит вам?

– Вроде того. Разумеется, она заложена.

– Счет в банке имеется?

– Кредит превышен.

– Какие-нибудь прочие долги?

– Не сто́ят упоминания. Конечно, если не считать ветеринара.

– Какие-либо деньги вам причитаются?

Возникла пауза, прежде чем прозвучал ответ на данный вопрос:

– Да, причитаются.

– Сколько?

– Восемь тысяч триста четырнадцать фунтов. – Уэндон оттарабанил сумму, как школьник, заучивший урок.

Глядя на него, Петтигрю сообразил, что коснулись той самой обиды, которую он угадал, едва увидев этого человека. Ему очень хотелось выяснить, что тут за история, но судопроизводство происходило слишком уж быстро, чтобы интересоваться.

– Когда вы ожидаете выплату?

Обреченность на лице Уэндона стала отчетливее.

– Никогда, – ответил он.

– Тогда не тратьте время его чести. Каков ваш ежемесячный доход?.. Вы платите подоходный налог?.. Вы делаете?.. Вы имеете?..

После долгих препирательств, напомнивших Петтигрю погоню упорного, но неловкого терьера за исключительно верткой крысой, мистера Уэндона заставили признать, что

он в состоянии выплачивать два фунта в месяц. Его уход знаменовал окончание слушаний дел неплательщиков, вызванных повесткой, и начались собственно судебные разбирательства.

Нынешние затруднения жителей Маркшира, как они отражены в производстве судов графства, заключаются, как и по всему Соединенному Королевству, в слишком большом числе людей на слишком малое число домов. Сегодня никто из пустивших однажды под свой кров кого-то на каких-либо условиях не может надеяться выселить его или ее, не обращаясь в суд. Петтигрю нисколько не удивился, обнаружив, что дела в его списке относились к тому типу, который в среде юристов известен как «дело о вступлении во владение». Первая порция дел была, с точки зрения, закона сравнительно проста: незадачливые ответчики просто изо всех сил цеплялись за жилье в надежде, что, когда поступит предписание о выселении, кто-нибудь, где-нибудь, как-нибудь придумает, куда им податься. В стремительной последовательности Петтигрю разобрал дело вдовы скотника со множеством детей, которая должна уступить место преемнику ее мужа, чтобы работа на ферме не остановилась; молодой супружеской пары, катастрофически затянувшей свое гостевание в крошечном, перенаселенном коттедже родителей мужа; дворецкого из большого дома, смертью владельца оставленного растерянным и беззащитным в мире, которому не нужны дворческие и который предлагал превратить хозяйский дом в за-

ведение для умственно отсталых. Покончив с этими мелочами (Петтигрю даже думать не хотелось, ценой каких тревог и мучений), столы расчистили для основного «блюда дня» – серьезных спорных случаев.

– Простое дело о лишениях, – весело сказал поверенный истца, когда вызвали первое из таких дел.

Петтигрю мысленно застонал. Параграф 8 первого приложения к закону – это он уже знал наизусть. Одно из тех безнадежных дел, в каких он, Петтигрю, и никто другой должен решать, кому грозят большие лишения: жильцу, если он будет выдворен из дома, или домовладельцу, если не пустят в дом его. Он приготовился к худшему, и худшее не замедлило объявиться. Дело домовладельца было определенно душераздирающим. Такие ужасающие лишения приходилось терпеть ему и его семье, что Петтигрю поймал себя на мысли, как любой жилец может иметь наглость противиться столь внушительным притязаниям. Долго недоумевать ему не пришлось. Адвокат ответчика, когда настал его черед, предъявил доказательства чудовищного водопада бедствий, которые обрушатся на его клиентов, если они утратят жилище (две гостиные, две спальни, кладовая, буфетная и ватерклозет на улице). Немыслимо было бы их выселить. И Петтигрю пришлось об этом размышлять.

До окончания слушаний на стол ему легло шесть врачебных заключений. Четыре свидетельствовали об опасных заболеваниях, которыми страдали обе стороны и их жены.

Остальные объявляли о скором появлении новых членов в каждом семействе. Какая бы сторона ни преуспела, двум спальням и кладовой придется вместить по меньшей мере вдвое больше людей против того количества, для которого они предназначались. Проигравшим придется предположительно разбить палатки на Дидбери-Даунс. Таковы были – на заметку будущим историкам социума – жилищные условия Маркшира в год 1952-й от Рождества Христова.

Он вынес решение – в чью пользу, ему не хотелось даже думать. Знал только, что не показал себя с лучшей стороны и не вершил справедливости просто потому, что в тех обстоятельствах справедливость была невозможна – разве справедливо наказывать безвинных людей за то, что живут в то время и там, где для них нет жилья? Потом он пошел на ленч, виновато размышляя о собственном уютном домике с гардеробной и запасной спальней для случайных гостей.

«Тодман против Пинк» возглавило список дел на вторую половину заседания. Тодмана представлял красномордый, чья фамилия неожиданно оказалась Лавли⁶. Пинк явилась лично. Только когда ответчица вышла вперед, Петтигрю, поглощенный перспективой еще одного дела лишений, сообразил, что это, наверное, та самая добрая, достойная и полезная особа, про которую говорила леди Ферлонг. Он поглядел на нее с интересом и с удивлением заметил, что это сравнительно молодая женщина примерно лет сорока. Пом-

---

⁶ От *англ.* Lovely – красивый, привлекательный.

ня о прилагательных леди Ферлонг, он ожидал увидеть вдову под шестьдесят, хотя затруднился бы сказать, почему качества, названные леди Ферлонг, обязательно должны принадлежать человеку такого возраста. Ее нельзя было назвать красивой или хорошенькой, а платье, на неопытный взгляд Петтигрю, ничем не отличалось от одежды обычной работающей деревенской женщины. Но что-то в ее внешности привлекало внимание. Поискав определение, Петтигрю поймал себя на мысли, что самое уместное тут слово – «достоинство». Как раз достоинство, порожденное не самоуверенностью или самомнением – в тот момент миссис Пинк выглядела весьма нервно и непритязательно, – а непоколебимой честностью и цельностью натуры. «Добрая, достойная и надежная, – подумал он. – Все это про нее, но самое главное в ней – доброта».

Пришло время слушать мистера Лавли. Он был совершенно уверен в победе и, казалось, имел на то веские причины. Его клиент, мистер Джессе Тодман, которого Петтигрю уже знал в лицо как владельца единственного гаража и заправочной станции в Тисбери, желал вернуть себе свой коттедж для дочери и зятя, недавно поженившихся и с дитем на подходе, но живущих в убожестве – в комнате над гаражом мистера Тодмана.

– Сомневаюсь, что ваша честь столкнется в моем деле с большими трудностями, – произнес мистер Лавли. – Миссис Пинк – вдова, насколько я знаю, не имеет иждивенцев, жи-

вет одна и занимает коттедж из четырех комнат. Она без особых затруднений может подыскать себе жилье, отвечающее ее скромным нуждам. С другой стороны, перед нами молодая семья, мечтающая обзавестись собственным домашним очагом и живущая в условиях, которые, уверен, ваша честь сочтет весьма нежелательными для того, чтобы растить детей. Мой клиент сочувствует миссис Пинк, но...

Сев на свидетельское место, мистер Тодман весьма успешно скрыл свое сочувствие к жилище, которое так великодушно приписал ему мистер Лавли. Это был невысокий жилистый человек с ярко-желтыми волосами и внимательными зелеными глазами. Да, коттедж принадлежит ему, унаследован от отца почти сразу после того, как миссис Пинк вселилась. За мизерные деньги, добавил он по собственному почину, да и те все ушли на оплату ремонта, который заставил его произвести санитарный инспектор. С тех самых пор он просит ее съехать. Теперь муж его дочери вернулся из армии, а в его доме нет для всех места. На том, как ясно свидетельствовало выражение его лица, и делу конец.

– Какие-то вопросы к мистеру Тодману?

– Нет, благодарю, сэр, – ответила миссис Пинк.

Для полноты картины мистер Лавли вызвал миссис Тодман, высокую вялую блондинку. Она не могла вынести, чтобы в их доме жила семья замужней дочери, а что до младенца... Ведь просто повернуться будет негде, когда повсюду развешаны пеленки!

Поскольку от миссис Пинк вопросов опять не последовало, на месте свидетеля вслед за блондинкой тут же возникла ее дочь. Названная по современной маркширской моде, Марлен Дейдрэ Бэнкс была уж чересчур очевидно в положении. Глядя на нее, Петтигрю мог только надеяться, что в случае необходимости выяснится, что судебный пристав, человек весьма компетентный и явно бывший полицейский, в дополнение к прочим своим навыкам прослушал также курс родовспоможения. Но она пережила свое краткое появление в роли свидетельницы без катастрофы и произвела на Петтигрю сравнительно пристойное впечатление парой ярких карих глаз и копной пышных темных волос.

Заявление Марлен завершило выступление от имени истца. Петтигрю повернулся к миссис Пинк:

– Теперь мне хотелось бы услышать, что скажете вы, миссис Пинк.

Он слишком хорошо знал, что она скажет, и сердце у него стучало, когда он смотрел на это безмятежное, бесстрастное лицо. Есть ли ей куда податься? Вероятно, некуда. Сегодня всем некуда податься. Но чем это поможет ей против беременности Марлен и явной невозможности растить ребенка в каморке над отцовским гаражом? Дело уже практически решено, вопрос заключается лишь в том, сколько времени ей дать, чтобы «подыскать иной вариант». Какое чудесное расплывчатое выражение! О том, как он посмеет взглянуть после этого в лицо леди Ферлонг, не хотелось даже думать.

– Очень жаль, что от меня всем столько проблем, – произнесла миссис Пинк, – но факт в том, что мне некуда поехать. В Тисбери трудно найти жилье, – добавила она.

– Именно, – поощрил ее Петтигрю, однако продолжения от миссис Пинк не последовало. Она уже изложила все доводы в свою защиту.

На том дело «Тодман против Пинк» завершилось бы, если бы мистер Лавли, озабоченный оправданием гонорара, не вдохновился на перекрестный допрос.

– Вы живете в коттедже совершенно одна, верно? – обвиняюще произнес он. – В четырех комнатах! – Его тон придал спорному коттеджу размах Бленгеймского дворца. – Вам же не нужно столько места.

– Нет, нужно... Правда, нужно.

– Почему вы не можете снять где-нибудь комнату?

– Это совершенно невозможно. Мне о стольком нужно заботиться.

– О стольком? Полагаю, свою мебель вы могли бы сдать на хранение.

– Это не только мебель, – мягко объяснила миссис Пинк. – Еще все мои бумаги... Я так много работы выполняю. В меблированной комнате ничего не получится. Это было бы неуместно.

Перед Петтигрю вдруг предстало видение: деревенская домохозяйка просматривает конфиденциальную корреспонденцию Ассоциации нравственного благополучия. Да, это

было бы весьма неуместно. Что ж, леди Ферлонг придется подыскать другого секретаря, вот и все. Жаль, но...

Мистер Лавли все еще развивал свою тему:

– Вдова без обременения... Вы ведь вдова, миссис Пинк? – Не получив ответа, он продолжил: – С вами в этом четырехкомнатном доме никто не живет?

– Нет. То есть... Сейчас никто. – Последние слова были произнесены чуть ли не шепотом.

– Прекрасно. Итак, мадам, вы задумывались всерьез о том, чтобы подыскать другое жилье? Справлялись о возможности приобрести резиденцию?

«В судах графства, – подумал Петтигрю, – мы всегда приобретаем резиденции. Покупать дома мы предоставляем низшим расам, не имеющим законов».

– Я не могу себе это позволить.

– Вы уверены, мадам? В наши дни строительные общества предлагают весьма привлекательные условия. У вас нет сбережений?

– Незначительные.

– Сколько именно у вас денег? Каков ваш доход?

По лицу миссис Пинк скользнула тревога.

«Это нечестно, – подумал Петтигрю. – Она, наверное, чувствует себя так, словно ее раздевают на людях».

– Возможно, вы предпочтете написать сумму, – предложил он.

– Благодарю вас, сэр.

Миссис Пинк подали бумагу и карандаш, и после недолгих, но тщательных подсчетов она написала две суммы, обозначающие соответственно капитал и доход с него. Взглянув на ее скудное состояние, Петтигрю протянул листок мистеру Лавли.

– Это все, что у вас есть? – не отступал тот.

– Это все деньги, какие есть в моем распоряжении. – Высокопарные слова она роняла в суд, как камешки в тихий прудик, закутавшись в свое странное достоинство точно в плащ.

Мистер Лавли сменил тактику:

– Нет ведь никакой особой причины, чтобы вам жить именно в Тисбери. Вы вполне могли бы поехать в любую другую часть Маркшира... Вообще в любое графство Англии.

Тут миссис Пинк дала волю словам и стала даже красноречива:

– Полагаю, в каком-то смысле это совершенно верно. Конечно, я привязана к своей работе в Тисбери, но, надо думать, сумела бы быть полезной в любом месте. Слава богу, я всегда приносила пользу, где бы ни находилась. Однако дело не только в этом, сэр. Понимаете, я очень люблю Тисбери. Я здесь родилась. Я жила тут, пока не уехала, чтобы выйти замуж. Вот почему я вернулась, когда... когда осталась одна. – На мгновение она как будто забыла, где находится, и продолжила, обращаясь отчасти к Петтигрю, отчасти к себе самой, охваченная детскими воспоминаниями. – Мой отец

был органистом в церкви Тисбери. Он позволял мне сидеть возле органа, когда я была маленькой. Я так любила бывать на хорах. Думаю, отец был не очень хорошим музыкантом, но я считала его игру самой прекрасной на свете. – Миссис Пинк оглянулась, посмотрела за мистера Лавли, на скамью позади него, где сидели истец и его семья. – Он играл на вашей свадьбе, мистер Тодман, – добавила она. – Помните? Это было давно, а кажется, только вчера. Четыре подружки в голубом, а миссис Поттс – вся в белом. Она была очаровательной невестой, хотя мы все считали, что для вас она высококовата...

Право же, это против правил! Джефферсон давно бы остановил ее. Петтигрю прокашлялся, чтобы вмешаться, но миссис Пинк замолчала и промокнула глаза носовым платком. Пожав плечами, мистер Лавли сел и начал связывать бумаги. Совершенно ясно – дело было окончено. Петтигрю набрал в грудь воздуха, чтобы объявить о своем решении. И в этот самый момент почувствовал, как в нем с силой поднимается подозрение, что дела обстоят совсем не так, как кажется.

Заместитель судьи помедлил, наморщил нос, будто собака, вынюхивающая слабый, неуловимый запах. Нечто странное было в этом вроде простом деле, но он никак не мог уловить какую-то мысль. Безотчетно отметил что-то во время слушаний, однако не обратил на это сразу должного внимания. Вдобавок миссис Пинк обронила что-то в своих бессвязных фразах. Он осмотрел притихший зал суда в поис-

ках вдохновения. Его взгляд упал на Тодманов, сидевших рядышком. Спутанная темная копна волос Марлен у плеча матери. Его посетило смутное воспоминание об учебнике по теории Менделя, и две мысли внезапно слились у него в голове, как дождевые капли, и побежали ручейком по оконному стеклу.

– Мне бы хотелось, чтобы мистер Тодман вернулся на место свидетеля, – произнес он.

Удивленный и раздраженный, мистер Тодман снова шагнул вперед.

– Всего два вопроса, – сказал Петтигрю. – Ваша жена была вдовой, когда вы на ней женились?

– Верно.

– Миссис Бэнкс – ваша дочь или дочь от предыдущего брака?

– Моя Марлен, – с чувством проговорил мистер Тодман, – никогда не знала другого отца.

– Но это не вполне...

– Я дал ей свой дом. Я дал ей мое имя. Это было двадцать два года назад. Тогда она была малышкой двенадцати месяцев от роду. Что еще мог бы сделать мужчина?

Петтигрю в который раз посмотрел на знакомые слова параграфа 8 первого приложения. Они были именно такими, как он думал.

– Вы удочерили ее юридически?

– Нет.

Петтигрю взглянул на мистера Лавли. Тот медленно поднялся. На лице у него было выражение боксера, который вышел из своего угла, твердо зная, что в ближайшие несколько минут его отправят в нокаут.

– Вы можете обойти это затруднение? – обратился к нему Петтигрю. – Закон особо прописывает, что дом может быть затребован домовладельцем как место проживания его самого или его сына либо дочери. Никакого упоминания о приемных я не вижу.

Мистер Лавли был слишком опытным юристом, чтобы тратить время на отстаивание невозможного утверждения. Оказав лишь символическое сопротивление, он признал свое поражение. Естественно, счел нужным указать на то, что вел дело исходя из факта, что миссис Бэнкс – дочь мистера Тодмана. Петтигрю, разумеется, принял его заверение, однако подумал, как человек с таким очевидным умом мог не знать, что по закону генетики у двух блондинов не может родиться брюнетка. Он уже удобно забыл, что сам чуть не проглядел данный факт.

– В пользу ответчицы, – объявил он. И испытал удовлетворение юриста, приняв неоспоримое решение соответственно букве закона, который, как и орден Подвязки, сам по себе ничегошеньки не стоил.

Тем не менее через полчаса, когда Петтигрю уже возвращался домой, он почувствовал, что было нечто сомнитель-

ное в странной маленькой драме, которая разыгралась перед ним. Редко случается, чтобы судья вообще добрался до сути дела. Колодец правды обычно слишком глубок для простого судебного отвеса. И теперь Петтигрю был уверен, что до сути он не докопался. Само по себе это его не беспокоило бы. Встревожило другое – собственная убежденность, что по ходу разбирательства миссис Пинк далеко не один раз... нет, не солгала, но погрешила против истины. А поскольку миссис Пинк произвела на него сильное впечатление как женщина исключительных моральных качеств, Петтигрю был озадачен и даже немного расстроен.

Глава третья

Миссис Пинк у себя дома

Миссис Пинк всего на пару минут опоздала на автобус, который следовал от Рыночной площади в половине четвертого, и потому была обречена полчаса ждать следующего, стоя в начале растущей очереди. По ее виду было совсем непохоже, что она столь успешно, сколь и неожиданно для себя выиграла тяжбу. Миссис Пинк устала, была голодна и подавлена. У нее болела голова, и она остро нуждалась в чашке хорошего горячего чая. (В Дидфорде имелось достаточно чайных, но миссис Пинк уже потратилась на ленч, пока ждала разбирательства, и не могла второй раз в день поесть вне дома – это просто не укладывалось в ее миропонимание.) Женщина полная, она постоянно переносила вес с ноги на ногу, с тоской отмечая, как медленно ползут к трем стрелки на городских часах.

Оставалось ждать еще десять минут, когда неожиданно явилось избавление в облике очень грязного грузовичка. Он подъехал, содрогаясь и грохоча, и притормозил возле миссис Пинк. Поверх рева мотора она услышала голос Горацио Уэндона:

– Подбросить вас до Тисбери, миссис Пинк?

Уэндон был в веселом настроении. Бóльшую часть денег,

которые могли бы пойти на ежемесячную выплату присужденного ему долга, он потратил. Сначала попиrowал за ленчем в Дидбери, а затем довершил кутеж на фермерской распродаже по соседству. Фермерские распродажи были для него все равно что бутылка для прочих неудачников и почти столь же разорительными. Он не мог устоять перед манящей свалкой всякой всячины. Его участок и так был усеян хламом, который он уже накопил за бесценок, но теперь джип был загроможден новыми приобретениями. Наперекор прошлому опыту Уэндон верил, что однажды они понадобятся.

Освобождая место для пассажирки, он сбросил с сиденья рядом с собой рулон ржавой проволочной сетки. Миссис Пинк с благодарностью села, и грузовичок резкими рывками двинулся по Мейн-стрит.

– Вы ведь были сегодня утром в суде, да? – спросил он, когда машин поубавилось и они наконец выбрались на шоссе. – У вас-то какие неприятности? Моими был негодный корм для свиней – я думаю, вы слышали.

– Мистер Тодман вызвал меня в суд, – объяснила миссис Пинк. – Он хочет, чтобы я освободила коттедж для его Марлен.

Мистер Уэндон искренне посочувствовал:

– Плохо дело. Куда же вы поедете? В Тисбери без вас не обойтись, сами знаете.

– Судья сказал, я могу остаться. Кажется, то, что Марлен всего лишь приемная дочь, многое изменило. Честно гово-

ря, я плохо поняла, и мистер Тодман тоже не понял. Он так расстроен.

Горацио Уэндон смеялся редко, но и тогда обычно на чужой счет. Так поступил и сейчас.

– Готов поспорить! Это еще как его из себя выведет. И поделом старому разбойнику!

– Не надо так, – мягко проговорила миссис Пинк. – Марлен действительно нужен коттедж. Я была бы рада уехать, если бы могла.

– Держись, за что можешь, – усмехнулся Уэндон. – Нечего в этом мире излишне миндальничать. Тодман, если пожелает, подыщет дочурке что-нибудь другое. Он достаточно богат, если судить по тому, сколько взял с меня за ремонт этой колымаги. А теперь, – он вновь впал в обычную свою угрюмость, – наверное, начнет выжимать с меня деньги.

Больше они не разговаривали, до тех пор пока грузовичок не остановился у двери оспариваемого коттеджа.

– Очень вам признательна, мистер Уэндон, – произнесла миссис Пинк, выходя. – Хотите зайти на чашку чая?

Нерешительность в ее голосе свидетельствовала, что она сознает непреложный факт: несмотря ни на что, мистер Уэндон все-таки принадлежит, пусть едва-едва, к высшему классу и может воспринять это приглашение как вольность. Уэндон, чьи несчастья обострили его классовое сознание, помешкал, прежде чем кивнуть. Он соглашается, говорил он себе, потому что не хочет обижать ее. Но как же странно

оказаться запросто в гостях у деревенской женщины! Когда Уэндон переступал порог, то не мог отделаться от чувства, что каким-то таинственным образом переходит Рубикон.

– Присядьте, пока я поставлю чайник.

Уэндон огляделся с удивлением. Комната была обставлена много лучше, чем он ожидал. Конечно, она была нелепо загромождена, однако кое-какая мебель показалась ему весьма недурной. Массивный письменный стол в углу с акkuratными стопами бумаг был из красного дерева – такой не постыдился бы иметь его собственный отец. На стенах висели приличные картины...

Уэндон как раз изучал одну, когда вернулась с чайным подносом миссис Пинк. Это была карикатура Шпиона⁷ для «Вэнити фэйр» – престарелый мужчина с пушистой белой бородой и внушительным фронтальным выступом держит в руке перьевую ручку, с которой капают чернила.

– Интересная у вас тут вещица, – произнес он. – Где-то я похожую видел. Это ведь карикатура на Генри Спайсера?

– Откуда мне знать, – уклончиво ответила миссис Пинк.

– Генри Спайсер, – не унимался Уэндон. – Писатель с Тисового холма, с которым когда-то так носились. – Потом, увидев, что миссис Пинк все еще непонимающе смотрит на него, добавил: – Как она к вам попала?

– Принадлежала моему мужу, как и все остальное. Вы пье-

---

⁷ Псевдоним Л. Уорда (1851–1922) – английского карикатуриста, автора сатирических портретов политиков и известных лиц своего времени.

те с сахаром, мистер Уэндон?

– Да, пожалуйста. И в уголке что-то написано. Такие каракули, ничего не разберу. «Искренне ваш...» Ей-богу! Это же автограф. Знаете что, миссис Пинк, это может стоить кругленькую сумму. Будь она моя, я бы ее продал.

– О нет, я не могу этого сделать. Не хотите ли сесть и выпить чаю, мистер Уэндон?

Хотя и не слишком быстро, он все-таки сообразил, что хозяйка не расположена обсуждать карикатуру. Уэндон сел, и чай был поглощен по большей части в молчании. Едва позволили приличия, он встал, чтобы уйти.

– Извините, что так убегаю, – проговорил он. – Но у меня нет времени. Я обещал кое-что сделать для миссис Рэнсом из «Альп». – Уходя, Уэндон еще раз оглянулся на карикатуру Шпиона. – Гадкий старикашка! – бросил он. – Что-то он мне напоминает, но не возьму в толк. Я все равно считаю, вам следует его продать, сколько бы ни давали.

Миссис Пинк не стала его задерживать. Долг гостеприимства уже помешал ей сделать то, что было в ее глазах много важнее чая. Когда Уэндон ушел, она решила не тратить время на мытье посуды, а снова надела старую черную соломенную шляпу и, выйдя из дома, спустилась по переулку до гостиницы «Ночлег охотника», перешла улицу и двинулась за церковную ограду.

В церкви было холодно, царил полумрак. Аляповато-яр-

кие витражи, которыми благочестивые реставраторы девятнадцатого века украсили норманнскую постройку, пропускали лишь толику слабого весеннего солнышка. Миссис Пинк постояла у западного нефа, пока ее глаза не привыкли к полумраку, и покой, который церковь неизменно ей приносила, снизошел на нее. Она заметила, что за решеткой хоров, к северу от алтаря, горит электрический свет. Похоже, в часовне Харвилов. Посетители всегда ходили посмотреть тамошние надгробия. Миссис Пинк, обожавшая старую церковь невзирая на витражи, часовню Харвилов любила меньше остального. На взгляд миссис Пинк, эта часовня с ее рядами чопорно скульптурных сквайров и леди, которые возлежали на своих саркофагах и даже выстроились вдоль стены, совсем как пассажиры в вагоне третьего класса, больше походила на музей, чем на храм. Она осмотрела церковь. Пора подумать о цветах к Пасхе. Не забыть напомнить леди Ферлонг, чтобы она в этом году привезла свои вовремя. На прошлую Пасху они появились, когда почти все уже было расставлено, и неловко было уговаривать миссис Бленкайрон убрать с алтаря ее арумы, чтобы освободить место лилиям леди Ферлонг. Миссис Пинк виновато сказала себе, что сегодня явилась в церковь не по этому поводу. Она вспомнила свои бессвязные мысли, прошла к скамьям и опустилась на колени в молитве. На коленях она простояла очень долго.

Когда миссис Пинк наконец поднялась, головная боль исчезла и даже жажда чая временно позабылась, а еще она за-

метила, что в часовне Харвилов до сих пор горит свет. Посетители редко задерживались там так долго. Один мертвый Харвил мало чем отличался от другого, и любопытство бывало быстро удовлетворено. Скорее всего прихожане забыли погасить за собой свет. С другой стороны, если они еще там, то ведут себя на удивление тихо, а значит, у них на уме дурное. В таком случае, ее очевидный долг – принять меры.

Миссис Пинк тихо двинулась по проходу. Повернув налево перед решеткой хоров, она вошла в часовню. Поначалу миссис Пинк решила, что там пусто, но потом, осторожно выглянув из-за высокого ренессансного саркофага, увидела коленапреклоненную фигуру прямо под северным окном. Ковер был свернут, и незнакомец бодро возил короткой черной палочкой по длинному листу бумаги, прижатому в уголках стопками молитвенных подушечек и требников.

Рельефная плита с изображением сэра Гая Харвила в последние годы сделалась знаменитостью среди поклонников английских мемориальных досок как крепкий, пусть и не выдающийся образчик работы пятнадцатого века. Миссис Пинк знала о существовании этой плиты, хотя так и не потрудилась ее рассмотреть. Но сейчас она понимала: вблизи плиты что-то происходит, и первой ее мыслью было, что у чужака действительно на уме дурное. Твердым шагом она двинулась вперед и сказала так громко, как позволяло ей уважение к святому месту:

– Что вы тут делаете?

Незнакомец вскочил, и миссис Пинк с облегчением увидела, что перед ней юноша лет семнадцати. Для своего возраста он был высоким и худым, носил очки и казался совершенно хладнокровным.

– Добрый вечер, – вежливо произнес он. – Я вас слышал, но решил, это служба пришел закрывать. Я делаю оттиск с плиты.

– Выносить что-либо из церкви без разрешения запрещено, – сообщила миссис Пинк.

Юноша посмотрел на нее страдальчески:

– Разумеется, у меня есть разрешение. Я спрашивал в воскресенье у пастора. Он ответил, я могу прийти в любое время, когда нет службы. Собственно ничего из церкви я не выношу. Только переведенное с плиты. Совсем как фотография, только много лучше. Я уже почти закончил. Хотите посмотреть?

Отступив от листа, он гордо предъявил плоды своих трудов. Миссис Пинк недоуменно поглядела на окольчуженную фигуру сэра Гая, исключительно суровую в черно-белом цвете.

– Уродливая, – заметила она.

– Очень и очень недурной оттиск, – возразил юноша. – Подол у кольчуги, возможно, немного смазан, но плита там сильно затерта. Латный воротник получился хорошо. Я думал, будет сложнее.

Он вернул требники и молитвенные подушечки на поло-

женные места, убрал в карман палочку графита и свернул бумажную полосу.

– Что вы собираетесь с ним делать? – спросила миссис Пинк.

– Повешу у себя в комнате. У меня уже собралась вполне приличная коллекция. На прошлой неделе я сумел раздобыть Стока д’Эбертона. – Имя он произнес с почтительным придыханием. – Ничего великого в Маркшире, конечно, нет, но, согласно Бутеллу, есть две довольно любопытные плиты в Дидфорд-Магна. На следующей неделе попробую перевести их на бумагу. – Он развернул над сэром Гаем ковер и вежливо добавил: – Боюсь, я вам наскучил.

Миссис Пинк этого не опровергла, однако смотрела на него с интересом.

– Я ведь видела вас в церкви в прошлое воскресенье. Вы гостите в этих местах?

– Пожалуй, правильнее сказать, что я здесь живу, когда нахожусь не в колледже. По крайней мере, думаю, что и дальше буду тут жить. Я из «Альп».

– Вы молодой мистер Рэнсом?

– Моя слава явно меня опередила, – улыбнулся он. – Да, я Годфри Рэнсом.

– Мне бы хотелось знать, – неуверенно проговорила миссис Пинк. – То есть священник меня спрашивал... Как повашему, миссис Рэнсом согласится помочь с прохладительным на летнем базаре? Мне не хотелось ее беспокоить, но,

может, вы спросите? Моя фамилия Пинк... Миссис Пинк.

– Конечно, спрошу. К сожалению, я не слишком хорошо знаю свою мать, но сомневаюсь, что это в ее духе. Однако от попытки вреда не будет.

Годфри Рэнсом пошел к выходу из часовни. Миссис Пинк последовала за ним.

– Никогда не слышала, чтобы молодой человек ваших лет говорил, что не знает собственной матери, – сказала она около хорова. – Мне это представляется неестественным.

– Детство у меня было несколько необычное, – объяснил он. – Кстати, я заметил – на алтаре шесть подсвечников. Ваш пастор получил их как пожертвование?

– К сожалению, не могу вам сказать. Не знаю.

– Я спросил только потому, что отец одного моего приятеля по колледжу – канцлер епархии. У них таких подсвечников не хватает. Лично мне безразлично.

Они попрощались у дверей церкви. Миссис Пинк оставила Годфри прикреплять бумажный рулон к багажнику довольно старого велосипеда и отправилась домой. Сначала помыла посуду, тщательно смела крошки, которые мистер Уэндон оставил на память о своем визите, а потом села за стол и открыла пишущую машинку. Столько всего надо успеть. Миссис Пинк разобралась с почти нечитаемой рукописной повесткой дня, составленной полковником Сэммсоном для предстоящего собрания Британского легиона. Затем составила несколько воззваний, призывающих друзей Тисо-

вого холма к подпискам. Настал черед обратиться к заботам Ассоциации нравственного благополучия. И тут в ее входную дверь, служившую также дверью в гостиную, постучали.

На пороге стоял мистер Тодман; его желтые волосы ерошил вечерний ветерок, жесткое лицо было решительно и бледно.

– Входите, мистер Тодман, – вежливо предложила миссис Пинк. – Не хотите присесть?

Мистер Тодман отказался. Он встал посреди комнатки и сразу перешел к делу.

– Миссис Пинк, – начал он, – вы возьмете триста фунтов?

– За что, мистер Тодман?

– За эту конуру, миссис Пинк. Это больше той цены, какую заплатил мой отец.

– Это меньше суммы, за которую я могла бы получить любое другое жилье, мистер Тодман, учитывая, какие сейчас цены. Вам это известно.

– Может быть, миссис Пинк, но так уж получилось, что это мой дом. А вы об этом забываете. Я предлагаю вам три сотни за то, чтобы вы съехали.

– Я не могу так поступить, мистер Тодман.

– Вот что я вам скажу, миссис Пинк. Возьмите комнату над гаражом, где сейчас Марлен... и три сотни в придачу. Это хорошее предложение, верно?

– Я и не говорю, что плохое, мистер Тодман. Но так не получится; вы сами знаете, что не получится. Мне бы хотелось

помочь Марлен, но я не могу, мне нужен этот дом. Он мне дороже денег. Так я и объяснила судье.

– Судье, как бы не так! – Мистер Тодман так заволновался, что ради разнообразия отошел от одного из правил вежливости Тисбери: каждый раз повторять имя лица, к которому обращаются. – Что он понимает? Да и судья он не настоящий, а просто глупый старикан, которого вытащили из канавы, чтобы сидел в кресле и не давал людям вступить в их законные права!

– Я ничего не могу поделать, мистер Тодман. Если закон считает, что я могу остаться, я останусь, пока не подыщу себе другое место.

– И когда это будет?

– Не известно, мистер Тодман. Возможно, очень скоро. Возможно, нет.

Мистер Тодман сменил тактику.

– Вы уйму лжи нагородили сегодня в суде, – сказал он.

Миссис Пинк вздрогнула, будто вырванная из безмятежности, которую хранила до сего момента.

– Что вы этим хотите сказать, мистер Тодман? – воскликнула она. От страха ее голос стал пронзительнее.

Мистер Тодман понял, что его выстрел наугад попал в цель, но явно был не способен воспользоваться преимуществом.

– Уйму лжи, – повторил он. – Я все слышал, и другие тоже. Вам бы надо быть осторожнее, говорю вам, миссис Пинк.

– Я поклялась на Библии говорить только правду, – твердо заявила миссис Пинк. – И если я сказала хоть слово неправды... – Она оглянулась по сторонам, помолчала и продолжила с вызовом: – Пусть Бог разразит меня на этом самом месте!

Мистер Тодман был ошарашен. Он с надеждой посмотрел на нее, проверяя, примут ли ее вызов, и, увидев, что противница все еще сидит на стуле и как будто жива-здоровая, медленно направился к двери. Но ему еще было что сказать напоследок.

– Я ухожу, – заявил он, – но помяните мое слово, миссис Пинк. Моя Марлен тут поселится так или иначе, и очень скоро. Закон там или не закон. Я вас предупреждаю.

– Через мой труп, мистер Тодман.

– Если хотите, миссис Пинк!

Дверь за ним захлопнулась.

Миссис Пинк вернулась за письменный стол и вставила новый лист в пишущую машинку. Но понадобилось время, прежде чем она взяла себя в руки, чтобы возобновить работу. «Уйма лжи!» – мысленно повторила она. Никто раньше даже предположить подобного не смел! А теперь... Но она же не лгала... Такое ложью не назовешь... И потом, она ведь все объяснила Богу в церкви, и он заверил ее, что понимает. Ее совесть чиста, как всегда. Но поймет ли мистер Тодман, если когда-нибудь узнает? И тот милый немолодой джентльмен, который так странно на нее посмотрел, а затем сказал,

что она может остаться в коттедже? Почему Господь предрешил возложить такую ношу на свою слабую служанку Марту Пинк? Она взглянула в настенный календарь. Уже недолго осталось, прошу, Господи!

Миссис Пинк начала печатать письмо от имени Ассоциации нравственного благополучия и за этим занятием забыла о собственных заботах. Но они вернулись снова, когда после дел на благо других пришлось заняться личными проблемами. В грудe бумаг у нее на столе имелось письмо, оно пришло сегодня утром на ее имя из фирмы лондонских стряпчих.

«Мадам... – начиналось письмо. – Нами получено уведомление...»

Миссис Пинк читала и перечитывала строки, покачивая головой в тупом отчаянии. Слова и цифры колыхались у нее перед усталыми глазами.

Совершенно несчастная, она наконец собралась с духом написать ответ.

Глава четвертая

Очаровательная миссис Рэнсом

Узкая извилистая дорожка ответвляется от шоссе за коттеджем Генри Спайсера. Оттуда она поднимается в долину, разделяющую северный склон Тисового холма надвое, но, чтобы крутить педали, подъем там слишком крутой даже для самого атлетического юноши. Годффри Рэнсом на особенный атлетизм не притязал. У первого же поворота он спешился и покатил сэра Гая Харвила вверх. Он не слишком спешил и у каждого второго поворота позволял себе перевести дух. Годффри уже опоздал к чаю, но сомневался, что мать поднимет из-за этого шум. Как он сказал миссис Пинк, он не слишком хорошо ее знал, но за последние несколько дней понял, что при всех недостатках матери суетность к ним не относилась. Определенно очко в ее пользу.

Если подумать, рассуждал Годффри, скользя взглядом по темным верхушкам тисов, спускавшихся к долине Диддер, у его матери немалое число очков в ее пользу – гораздо больше, чем можно было бы предположить по намекам, которые его отец бросал время от времени. В своей методичной манере Годффри взялся их перечислять. Она исключительно привлекательна. Даже его отец не мог этого отрицать. Более того, мать умна. Жаль, конечно, что ее не научили применять свой

ум где следует, но ее не одурачишь. И наконец, она, несомненно, добра. Это самое важное качество из всех, оно перевешивает разные мелочи, например ожидание от сына пунктуальной явки к чаю. Это, конечно, не все, но для начала достаточно. В целом нет причин, чтобы пасхальные каникулы не удались. В любом случае эксперимент обещает стать интересным. Подхватив велосипед, Годфри продолжил подъем.

Мэриан Рэнсом в этот момент безмятежно сидела в салоне, курила и рассматривала бокал хереса. Она думала о сыне, но, как он справедливо предположил, не слишком из-за него переживала. За свою весьма разнообразную жизнь Мэриан редко из-за чего-либо переживала. Когда ее брак с профессором Рэнсомом обернулся прискорбным провалом, она тихо оставила его ради его университетского коллеги помоложе. Последовавшие затем суету и переживания, а они были немалые, Мэриан предоставила другим. Если она и жалела, что оставила своего двухлетнего сына его отцу, то о том не говорила. Взлеты и падения в течение следующих пятнадцати лет ни в коей мере не умалили ее невозмутимости. Когда после внезапной смерти профессора Годфри осенило, а не погостить ли у матери на каникулах, она, как и прежде, готова была принять предложенные ей новые впечатления. До сего момента Мэриан о том не пожалела, извлекая некое недолгое удовлетворение из наблюдений, что строго академическое воспитание способно сотворить из ее плоти и крови.

Бокал был почти допит, когда наконец появился сын.

– Так-так, Годфри, – произнесла она лениво-мурлыкающим тоном, – судя по твоему виду, херес пойдет тебе на пользу. Чай накрыли и убрали давным-давно.

– Мне не слишком хочется хереса, – отозвался он. – Я попрошу Грету заварить мне чаю.

– Только будь осторожен, ладно? Сам знаешь, как темпераментны эти австрийцы. Она в любой момент может заявить, что увольняется.

– Все будет хорошо, – заверил Годфри. – Я расскажу ей немецкий анекдот, и она сделает все что угодно.

Он отсутствовал довольно долго, но вернулся с заставленным подносом. Миссис Рэнсом посмотрела на него с завистью.

– А мне она сказала, что заварных пирожных не осталось, – усмехнулся она. – Вероятно, приберегала их для себя. История была смешная, Годфри?

– Ее как будто позабавила. Грета рассказала мне две в ответ. Одна, – он нахмурился, атакуя пирожные, – была не слишком приличная.

– Мой бедный Годфри! Какая, наверное, была для тебя му́ка. Но сколько всего я упускаю, не зная немецкого! Как-нибудь ты должен меня поучить. Не испортить себе аппетит перед обедом. Милый мистер Уэндон только что привез свиной отруб. Грета собирается приготовить из него что-то очень континентальное.

– Этот милый мистер Уэндон однажды сядет в тюрьму за незаконный забой свиней, мама. Ты действительно думаешь, что следует его поощрять?

Миссис Рэнсом широко открыла от удивления прекрасные глаза.

– Господи помилуй! – воскликнула она. – Такому тебя в школе учат? Я полагала, только греческому, латыни и так далее.

– Конечно, забивать свиней нас не учат, – серьезно ответил Годфри. – Но только логично, что если кто-то привозит к задней двери куски свинины, то рано или поздно он попадет в неприятности.

– Гм, я разочарована, вот и все. Планировала устроить тебе сюрприз, а теперь, уверена, ты откажешься есть из принципа, что...

– Я вовсе не говорил, что не буду есть, мама. Я лишь заметил...

– Вот только я ни за что не подумала бы, что взять из жалости кусок мяса хуже, чем клянуть у Греты пирожные с кремом, рассказывая ей скабрзные анекдоты.

– Право, мама!

Подняв голову, Годфри увидел, что мать смеется. Он резко осекся, вид у него сделался глуповатый, да и чувствовал он себя так же.

– Прости, Годфри, – улыбнулась миссис Рэнсом. – Не обращай внимания, что порой я тебя дурачу. Что до свинины,

то я знаю, с моей стороны это очень скверно, но я скверная женщина, и тебе придется к этому привыкнуть. Мне так жаль бедного мистера Уэндона. Гадкий судья только что сказал ему, что придется заплатить огромную сумму, которую он на самом деле не задолжал, и нельзя винить его за попытку как-то возместить ее. И вообще, он же не обычный свинарь. Мистер Уэндон учился в твоей школе.

– Он учился в Харроу, – высокомерно возразил Годфри.

– Это ведь одно и то же, верно? То есть такого же уровня...

Нет, Годфри, не брани меня. Следовало бы помнить, что есть вещи слишком святые, чтобы с ними шутить. А теперь расскажи, чем занимался сегодня. Отпечаток плиты удался?

– И даже очень. Хочешь посмотреть?

Миссис Рэнсом покачала головой:

– Лучше не надо. Я только выведу тебя из себя, ляпнув что-нибудь невпопад. Сегодня я достаточно тебя донимала. Попробуй показать его Грете, если хочешь. Возможно, она найдет что сказать о нем неприличное.

– Я кое с кем познакомился в церкви. С некой миссис Пинк.

– Миссис Пинк? Да, я ее знаю... Бедная миссис Пинк.

– Мне она показалась довольно милой.

– Она такая и есть. Верх совершенства, просто имперский Роуз. В целом, боюсь, слишком хороша для меня. Она пыталась продать тебе лотерейный билет в качестве пожертвования на новую крышу или еще что-нибудь?

– Не совсем. Миссис Пинк упомянула о летнем базаре. Пастор интересуется, не сможешь ли ты с прохладительным.

– Пастор, наверное, впал в маразм! Никогда не слышала подобной ерунды. Seriously, Годфри. Можешь представить, как я продаю лимонад на церковном базаре?

– Почему бы и нет? – галантно произнес он. – Уверен, ты бы выглядела великолепно.

– Разумеется, я выглядела бы великолепно, как ты выражаешься. И у всех дам Тисбери, которые, несомненно, будут выглядеть преотвратительно, случится при виде меня припадок. Потому что я не респектабельна, Годфри. Пойми это наконец. Я не годна для знакомства с леди Ферлонг, миссис Еще-Лонг, миссис Еще-Еще-Лонг и со всеми прочими. Думаю, твой отец хотя бы раз про это упоминал.

– Ну... да, – кивнул он, порозовев от смущения. – Вроде говорил.

– Прекрасно. Тогда не пытайся делать вид, будто факты не существуют, потому что тебе они не нравятся. Это была слабость твоего отца, который на удивление был похож на тебя и слишком для меня хорош, – сказала она с легким придыханием. – Я поднимусь наверх полежать перед обедом – еще кое-что, чего ни одна респектабельная женщина сегодня не делает. Вот это тебя пока развлечет – «Литературное приложение» к «Таймс». Мальчишка, вероятно, доставил его по ошибке.

– На самом деле я его выписал, – объяснил Годфри. – Надеюсь, ты не против?

– Против? Конечно, нет, если только не надумаешь читать мне оттуда вслух. Будет совсем как в старые времена. Я уже столько лет не видела этой нудной газетенки.

Нежно поцеловав сына в макушку, Мэриан исчезла.

– Кстати, – сказала миссис Рэнсом вечером, – я пригласила погостить одного друга. Раньше, наверное, следовало упомянуть. Ты уверен, что это не нарушит твоих планов?

– А должно? – спросил Годфри, который после превосходного обеда из противозаконной свинины чувствовал себя в ладу со всем миром.

– Не знаю. Я просто подумала, что может, вот и все.

– Это друг или подруга?

– Я ведь сказала – друг. Подруг у меня нет, как ты уже понял. Ты не шокирован?

– Милая мама, надеюсь, я человек достаточно широких взглядов.

Миссис Рэнсом не сумела сдержать смешка. Мальчик такой же курьезный, как его отец. Потом она снова посерьезнела.

– Его зовут Роуз⁸, – нарочито взвешенно и с нажимом произнесла она. – Хамфри Роуз.

– Да?

---

⁸ От *англ.* Rose – ярко-розовый.

– Ты о нем не слышал?

– Не помню. Мне следует знать фамилию?

Судя по лицу миссис Рэнсом, у нее от сердца отлегло от подобного невежества.

– Ну, все случилось давным-давно, ты тогда был еще мал. Прежде Роуз был... известен. Надеюсь, он тебе понравится.

– Не сомневаюсь. – Но было что-то в манере матери, от чего в голос Годфри все же закралось сомнение. – Когда он придет?

– Я не совсем уверена, когда Роуз будет... Возможно, завтра. Во всяком случае, через день-два. Вряд ли он станет сильно тебе докучать. Он придет действительно отдохнуть.

Они заговорили о другом, и вскоре Годфри поднялся в свою комнату. Перед тем как раздеться, он снял со стены одну из любимых матерью акварелей и приколот на ее место сэра Гая Харвила. В кровати Годфри лежал некоторое время без сна, читая «Литературное приложение». Очарование этого издания в том, что читатель никогда не знает, с каким аспектом информации столкнется в следующей колонке. Годфри с энтузиазмом своего возраста прочитал передовицу о неконформизме девятнадцатого века, строгий разбор подтверждения теории ренты Рикардо и благосклонную заметку о новом издании «Полихроникона» Хигдена. Оттуда он перешел к блюду полегче – списку мемуаров. Он уже почти засыпал, когда его внимание привлекла недавно услышанная фамилия. Рывком заставив себя проснуться, Годфри

перечитал абзац еще раз:

«Среди многого не представляющего большого интереса сэр Джон добавляет ценный, но мелкий факт в новейшую историю, когда раскрывает, какую роль сыграл будущий премьер-министр в разоблачении скандала, положившего конец карьере Хамфри Роуза. ЧП, внезапный и постыдный конец».

Далее рецензент не пояснял. По всей очевидности, афера Хамфри Роуза была из тех, которые просто полагается знать всем и каждому, как и многое другое. Однако и написанного достаточно. Этот Роуз, друг матери – негодяй. Воображение Годфри, всегда живое, нарисовало полдюжины зловещих преступлений, в каких мог быть повинен предполагаемый второй гость в доме. «Право, – сказал он себе, – я, конечно, широких взглядов, но есть же пределы!» Утром он серьезно поговорит с матерью.

Погасив свет, Годфри сразу уснул.

Глава пятая

Хамфри Роуз

Судья Джефферсон все еще болел, и его заместителя снова и снова вызывали занять его место. Петтигрю колесил по всему графству. Он переходил из залов ратуш, где гуляли сквозняки, в помещения, где свидетели тщетно состязались с ревом дорожного движения снаружи, или в душные полицейские суды, гудевшие от лая запертых в клетках бездомных собак. Что ни день его призывали решать неразрешимое, угадывать истину среди соревнующихся лжесвидетельств, распределять смехотворные доходы на бесчисленных кредиторов или выяснять, что заставило две стоявшие машины, каждая из которых прижалась к своей обочине, разбить друг друга вдребезги посреди трассы. В промежутках Петтигрю находил время распорядиться об усыновлении десятка младенцев. Он наслаждался от души.

Последнее слушание перед пасхальными каникулами проходило в Маркгемптоне. В старом зале выездного суда Петтигрю пришлось выслушать длинный и бесконечно скучный диспут касательно счета от портнихи. (В неведении своем он не сознавал, что все связанное с женской одеждой автоматически становится новостью с большой буквы, и был поражен, увидев отчет о процессе в утренней газете, сдобренный

немалым числом судебных острот – он не помнил, чтобы они срывались с его уст.) С делами Петтигрю покончил как раз вовремя, чтобы поспеть на один из поездов, которые неторопливо пыхтят из Маркгемптона по боковой ветке, идущей через долину Диддер. В тот момент, когда он занял свое место, на другую сторону платформы с грохотом влетел лондонский экспресс. Выглянув в окно, Петтигрю мельком увидел, как из вагона первого класса вышел мужчина средних лет. Пассажир терпеливо подождал, пока не привлек внимание носильщика, и протянул ему очень маленький чемодан – вероятно, единственный багаж, какой имел при себе. Следуя за носильщиком, он беспечным и легким шагом пересек платформу, вошел в купе Петтигрю и, сев в противоположном углу, вознаграждал носильщика за труды полукроной. Трудно было сказать, кто из них двоих был больше доволен сделкой.

Мгновение спустя поезд тронулся. Новый пассажир извлек огромную сигару, которую раскурил с почти чрезмерным удовольствием. Петтигрю поглядел на него с интересом – интересом, не лишенным толики зависти. Он редко видел, чтобы кто-нибудь в зрелых годах был так совершенно счастлив, как этот незнакомец. Казалось противоестественным, что в эту эпоху и в этом полушарии человек способен быть столь довольным собой и своим окружением. Он смотрел через окно на ползущие мимо пригороды Маркгемптона и лучился от радости, словно видел самые прекрасные здания

на земле. Оглядывал грязное купе с замусоленными стенами и с засиженными мухами рекламными плакатами отдаленных достопримечательностей, и даже они, похоже, вызывали его явное одобрение. От одного его вида светлело на душе. И самое лучшее, с точки зрения Петтигрю, было то, что он довольствовался созерцанием мироздания и упивался им молча. Факт, что пассажир не попытался умножить свое удовольствие, хотя бы словом обратившись к попутчику, опровергал первое впечатление Петтигрю, что перед ним просто американский гость, наслаждающийся странностями чужеземного пейзажа, и еще не знакомый с нормальным тарифом английских носильщиков.

«Странно, – сказал себе Петтигрю, – но я уверен, что где-то этого малого уже видел, однако, разрази меня гром, не могу понять где». Он внимательнее всмотрелся в попутчика поверх вечерней газеты. Это был невысокий полнолицый джентльмен в опрятном костюме, который сидел на нем довольно свободно. Глаза у него были блестящие, выражение лица оживленное, но по контрасту к ним щеки казались дряблыми, а кожа – чересчур бледной. Нездоровый вид, подумал Петтигрю. Это наводило на мысль... О чем, собственно? После дня в суде в голове у него звенело, и искомое звено опять ускользнуло. Он задремал.

Когда Петтигрю встал, чтобы выйти на своей станции, его спутник последовал за ним и опять ждал на платформе, пока подойдет носильщик и возьмет его багаж. Покидая стан-

ционное здание, Петтигрю увидел мистера Тодмана за рулем высокого старомодного седана, парадной повозки Тисбери для свадеб, похорон и выдающихся гостей. Бесстыдно любопытный, он помешкал у дверей и со временем был вознагражден появлением незнакомца.

– Вы, джентльмен, в «Альпы», сэр? – спросил мистер Тодман.

– Именно в «Альпы», – раздался густой сочный баритон. Есть голоса, которые запоминаются лучше лиц. Этих трех слов хватило, чтобы Петтигрю вспомнил, кто этот человек и где он видел его в последний раз.

– Будь я проклят! – пробормотал он, когда парадный экипаж отъехал.

Такое же восклицание вырвалось и у носильщика, уставившегося на щедрые чаевые в своей ладони.

– Мы приобрели нового и любопытного соседа, – вечером сказал Петтигрю жене. – Хамфри Роуз гостит в «Альпах».

– Роуз? Я думала, его посадили в тюрьму.

– Посадили, на семь лет. Мошенничество с Фондом семейного соцобеспечения. Его, наверное, только-только выпустили. Судя по его виду, тюрьма не пошла ему на пользу. Я имел удовольствие ехать с ним в поезде.

– Каков он собой?

Прежде чем сформулировать свое мнение, Петтигрю задумчиво сморщил нос.

– Черствый, эгоистичный негодяй, – произнес он наконец. – Несет с собой разрушение и беды, где бы ни очутился. Человек исключительного обаяния, щедрый и добросердечный.

– Ну? – воскликнула Элеанор. – Который из них? Не может же он быть и тем и другим одновременно.

– А вот и может. Именно потому он так опасен.

Поразмыслив, Годфри решил отложить серьезный разговор с матерью о неизбежном будущем госте. Он несколько ее не боялся, но очень не хотел, чтобы над ним смеялись, а он подозревал, что как раз смех станет единственным откликом на любой его протест. Уместным будет, решил он, выразить свое неодобрение холодностью и исполненной достоинства сдержанностью в отношении нежеланного гостя. Тогда контраст между его собственным безупречным поведением и оргиями, которым, несомненно, предавался этот человек дурных наклонностей (тут Годфри не мог выразиться точнее, но оргии непременно были), будет говорить сам за себя. В конце концов, его мать понимает разницу между добром и злом – взять хотя бы ее явное восхищение миссис Пинк, – и его сыновний долг помочь ей выбрать правильную дорогу. А если случится самое худшее и он потерпит неудачу, то покинет зараженный дом и проживет до конца каникул где-нибудь сам по себе.

В вечер прибытия гостя Годфри заперся с книгами и отпе-

чатками у себя в комнате до самого ужина. Снизу до него доносился теплый, звучный и – приходилось признать – культурный голос, но Годфри упорно оставался глух к любым помехам. Когда настало время, он спустился вниз с тщательно выверенным выражением лица, в котором смешались любезность и отвращение.

– Это мой сын Годфри, Хамфри, – произнесла миссис Рэнсом, когда он вошел.

Роуз занимал глубокое кресло в дальнем конце комнаты. Не успела она договорить, как он вскочил и, протягивая руку, преодолел пространство.

– Рад познакомиться, сэра, – сказал он. – Очень рад.

Странно, но он как будто действительно радовался. Годфри намеревался просто отстраненно поклониться, однако его рука неожиданно сама поднялась, и он обнаружил, что ее тепло пожимают.

– Вы учите, как я понимаю? – с неподдельным интересом спросил Роуз. – Где?

Годфри ответил.

– Филолог, разумеется? Незачем было и спрашивать. Я это понял, едва вы вошли. Мои поздравления! Вам повезло. Что изучаете? Классическую литературу? Языки?

И снова Годфри не мог не услужить ответом. Пока он говорил, ему пришло в голову, что на мать при всем ее обаянии его академические успехи не произвели ровным счетом никакого впечатления, она даже не спросила, по каким пред-

метам сын специализируется.

– Несомненно, вы потом поступите в университет, – проговорил Роуз. – Надеюсь, в колледж вашего отца. Помню, однажды я с ним встречался. Он произвел на меня колоссальное впечатление. Знаешь, Мэриан, – он повернулся к миссис Рэнсом, – ты совершила ужасную ошибку, когда лишилась общества своего супруга.

– Мой дорогой Хамфри! И это говоришь именно ты?!

– Я совершенно серьезен. Разрушение семейных уз в результате развода – величайшее зло наших дней. Уверен, твой сын со мной согласится.

Голова у Годфри пошла кругом. Скандальный мистер Роуз не только не предался оргиям, но и не допил свой бокал хереса и теперь встал на его сторону против матери, защищая нравственность. Неужели литературное приложение «Таймс» исказило факты?

– Но я говорил про университет, – произнес он. – Не знаю, решили ли вы уже, какую карьеру избрать, но университетская жизнь – если вы к ней склонны, – наверное, лучшее, что есть на свете. Я пошел работать, когда мне было четырнадцать лет, и никогда не переставал сожалеть об этом. Что я знаю о вещах, которые поистине важны? Мне пришлось тратить время на деловые предприятия, политику и прочую подобную ерунду. С тех пор я нахватался кое-чего по верхам, но это не одно и то же. Вот одна из причин, почему я всегда рад познакомиться с тем, кому посчастливилось полу-

читать настоящее образование. Есть множество вопросов, по которым мне хотелось бы услышать ваше мнение...

И действительно, во время обеда и после него Роуз продолжал не только говорить дружелюбно, но и с лестным почтением выслушивать любые воззрения, какие Годфри согласен был изложить. С неподдельным интересом он изучил рисунок с плиты сэра Гая Харвила и в отличие от миссис Рэнсом нашел точные слова похвалы. Он поведал несколько занятных историй про известных политиков и, что важнее, от души посмеялся, когда Годфри сам рискнул рассказать анекдот. Задолго до того как вечер закончился, Годфри совершенно забыл, что это тот самый человек, о котором он намеревался серьезно поговорить с матерью. Противостоять Роузу было невозможно. По сути, битва закончилась, едва начавшись. Обаяние, в прошлом выманивавшее тысячи фунтов из твердоголовых деловых людей, теперь с полной силой обратилось против школьника, и тот неизбежно сдался.

Для Годфри приятный вечер завершился чересчур уж рано. Роуз объявил, что устал и хочет лечь спать. Однако до этого он пожелал выйти на террасу, куда вели стеклянные двери салона. Годфри составил ему компанию. Воздух был прохладным, яркая луна омывала светом тисы у начала Друидовой поляны и те, что спускались по склонам в туманы долины. Стрекоча, пролетела совсем низко над их головами летучая мышь.

– «Мышь летучая кружит над жилищем на склоне», – неожиданно процитировал Роуз. – Что-то как что-то... Как там дальше? Ах да, вспомнил. «Переменчива, как любовь моя: то зовет, то гонит», – произнес он нараспев. – Вы знаете, конечно, «Эклоги Тисового холма». Кстати, как относятся сегодняшняя молодежь к Генри Спайсеру?

– Поэзию читают, кое-какую, – объяснил Годфри. – Однако романы в наши дни, разумеется, совершенно нечитаемы. Стиль... – Отчаянное чихание прервало его фразу.

– Мой милый, вы так простуду схватите! Как эгоистично с моей стороны выводить вас в такой вечер! – Роуз поспешил внутрь. – Знаете, – продолжил он, задерживая за ними занавески, – возьму на себя смелость предположить, что сегодняшняя молодежь недооценивает Генри Спайсера. Он был исключительным человеком. Когда привыкнешь к его манерности, романы доставляют удовольствие. Я три раза прочитал «Солипсиста»⁹, и третий был самым лучшим. Вам надо попробовать. Нужен человек умный, вроде вас, чтобы оценить его. Кстати, однажды, когда я был одних с вами лет, я встретился со Спайсером, и он... Но уже слишком поздно пускаться в очередную историю. Ей придется подождать до завтра.

– Думаю, ты читал его книги потому, что был с ним знаком, – сказала миссис Рэнсом. – Трудно поверить, что подобное в твоём духе.

---

⁹ Солипсизм – крайний субъективный идеализм.

– Нет, – возразил Роуз, – я прочитал их лишь потому, что они оказались в тюремной библиотеке. Доброй ночи.

– Годфри, – обратилась миссис Рэнсом к сыну, целуя его на ночь. – Я должна предостеречь тебя относительно мистера Роуза. Он отнюдь не всегда таков, как сегодня. Ты ведь будешь с ним поосторожнее, правда?

«А вот это, – подумал Годфри, собираясь в кровать, – определенно последний штрих».

Глава шестая

Знакомые мистера Роуза

На следующее утро Годфри поздно спустился к завтраку и был не слишком расстроен, обнаружив, что мистер Роуз ранняя птичка и уже прохаживается по лужайке со всем удовольствием, какого можно ожидать от человека, которому долгое время было отказано в таких упражнениях. Он воспользовался случаем и подходяще укоризненным тоном спросил мать, за какое именно правонарушение мистер Роуз был заключен в тюрьму. Миссис Рэнсом, однако, ответила неутешительно уклончиво. Что-то связанное с деньгами. Сам ее вид наводил на мысль, что грешок такого рода не следует принимать всерьез.

– Твои деньги под опекой, пока тебе не исполнится двадцать один год. Так я понимаю? – добавила она. – Тогда со стороны Хамфри тебе ничто не грозит. Однако ничего ему не подписывай на случай, если он тебя попросит. – Завершила миссис Рэнсом тем, что если Годфри действительно интересуют злодеяния Роуза, то пусть сам его спросит. Это предложение он отклонил с досадой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.